

чим картину пьянства, прикрывавшегося разглагольствованиями о необходимости чтить национальные традиции.

К тенденции увеличения потребления спиртного приспособилась система наказаний и встречных бокалов. Вспомним правило, согласно которому, опоздавший должен был выпить «три мисостовых бокала», т. е. тройную дозу спиртного. И заметим, не легкой махсымы, как было прежде, а водки или вина.

В настоящее время сфера действия подобных традиций и псевдотрадиций сузилась: благотворно сказались и сказываются решительные меры по искоренению пьянства и алкоголизма, принятые нашим правительством. В то же время сохраняется основной корпус норм традиционного застолья. Но это как раз не должно тревожить нас. Регламентация форм взаимного обхождения за столом — явление в целом положительное, вполне оправдывающее себя. Оставаясь институтом неформального, празднично приподнятого общения, традиционное застолье диктует формы взаимодействия, развивающие в людях дисциплину общения, навыки поведения, способствующие возбуждению взаимной симпатии и уважения. По сей день у адыгов судят о человеке по тому, как он ведет себя на праздничных пирах. Это ко многому обязывает, поэтому нормам застольного этикета учат с раннего детства.

Хорошо, когда праздник ассоциируется с принятыми и полезными беседами, с захватывающими зрелищами — танцами, песнями, играми, которые в последние годы оттеснялись на задний план. Практика безалкогольных застолий постепенно возрождает, реабилитирует лучшие черты традиционных коллективных трапез и пиров. Адыгское застолье, так же как и застолье других народов нашей страны, наполняется новым, более богатым духовным содержанием. В системе коммуникативных связей этноса оно, как и прежде, занимает почетное место, выполняет важные интегративные функции.

А. Абдулхамидов

ОБЩИННЫЕ ТРАДИЦИИ В ОРОШАЕМОМ ЗЕМЛЕДЕЛИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО УЗБЕКИСТАНА (XIX — начало XX в.)

В Средней Азии, где сельскохозяйственное производство осуществлялось в специфических формах орошаемого земледелия, главную роль на протяжении многих веков играла соседская водно-земельная община, в пределах которой протекала вся жизнь сельского населения. Такая община называлась *топ* (туп) в Ташкентском оазисе, *кетман* в Фергане, *кош* в Зеравшанской долине, *пайкал* в бассейнах Кашкадарьи и Сурхандарьи, *джабди* в Хорезме¹.

Земледельческое производство на орошаемых землях зависело от характера ирригации, распределения водных ресурсов и размещения земельных участков, удобных для орошения, поэтому многие особенности хозяйственной деятельности соседской общины были тесно связаны с характером орошения, весьма различным в трех природных зонах Средней Азии — на равнине, в предгорье и горах. Существенные различия в характере общинных отношений на рубеже XIX и XX вв. сохранились между населением Туркестанского края, вошедшего в Российскую империю и втянутого в сферу влияния капиталистических отношений, и жителями вассальных государств — Хивинского ханства и Бухарского эми-

¹ Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. С. 263—264.

рата, где еще господствовали феодально-патриархальные порядки². В Туркестанском крае общинное землепользование было уже редким явлением. Согласно введенному царской администрацией специальному «Положению 1886 года», в районах орошаемого земледелия сельские общества имели право пользоваться землей на основе как общинного, так и подворно-наследственного владения. Но постепенно с ростом товарности сельского хозяйства, с расширением хлопководства преобладающей стала подворно-наследственная форма землепользования. В районах кочевого скотоводства сохранялись общинные права на пастбища при частном владении скотом. Однако во многих районах усилилась тенденция захвата пастбищных угодий в частную собственность богатыми скотовладельцами.

В Бухарском эмирате и Хивинском ханстве сохранялись старые формы землепользования, основанные на феодальной собственности государства в лице его верховного правителя — эмира или хана (земли *амляк*, *падшалык*) и представителей феодальной знати, имевших в частной собственности кроме наследственных поместий также приобретенные путем покупки и другими способами участки земель с посаженными на них крестьянами. Последние платили налог за пользование землей феодалу.

Земли, которые находились в частной собственности, назывались *мюльк* и в Бухарском эмирате подразделялись на три вида³.

Однако большинство земель, которым владело земледельческое население Бухарского эмирата, составляли государственные земли *амляк*, облагаемые поземельным налогом — *херадж*. Они давали наибольший доход казне. Крестьяне пользовались ими на правах пожизненной аренды, с правом передачи по наследству. Налоги с этих *хераджных* земель были различными, как денежными, так и натуральными, в виде определенной доли зерна с урожая $\frac{1}{5}$, $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{8}$ и др.. В случае смерти владельца и отсутствия наследников *амлячные* земли возвращались эмиру. Последний продавал эти участки, причем в купчей оговаривались как условия владения земельным участком, так и водой для его орошения⁴.

Значительная часть земель в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве принадлежала различным религиозным учреждениям — мечетям, медресе и др. Эти «вакуфные» (вакф) земли в свое время пожертвовали или завещали мечетям и медресе богатые землевладельцы.

Общинное землевладение сохранялось в глухих, экономически отсталых, преимущественно горных и предгорных или полупустынных районах (Бешкент, Шерабад, Карши и др.), где земледелие не было товарным. Здесь общинные орошаемые земли подвергались ежегодным переделам. Каждое хозяйство общины получало определенную долю (чек, пайкал) в зависимости от числа упряжек волов, которые оно предоставляло для обработки общинных угодий.

Традиции общинно-передельного пользования пахотной земли долгое время сохранялись в целом ряде районов Восточной Бухары. Исследовавший этот вопрос Н. А. Кисляков приводит материалы А. Шишова, относящиеся к концу XIX и началу XX в.⁵ Последний отмечал, что основанием при переделах общинной земли служила определенная единица землепользования — *кош*. Это пара волов, запряженных в пахотное орудие, с пахарем и мотыгой. Количество кошей у одного земледельца могло быть различным в зависимости от состоятельности. Богатые, имевшие много волов и наемных работников, могли иметь несколько кошей, бедные объединялись для содержания одного коша и пользования одним

² Кисляков Н. А. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX в. // Труды Института этнографии. М.—Л. 1962. Т. 74. С. 45.

³ Семенов А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства. Ташкент, 1929. С. 9—24.

⁴ Семенов А. А. Указ. раб. С. 19.

⁵ Кисляков Н. А. Указ. раб. С. 126.

земельным наделом. Перед весенними работами староста выбирал из земель, находившихся под паром, участок для подготовки к пахоте. Все желающие могли участвовать в подготовительных ирригационных работах. Подготовленный к сельскохозяйственным работам участок делился на равноценные участки по количеству кошей и с помощью жребия распределялся между участниками ирригационных работ. Вода для орошения пускалась поочередно. Таким образом, «общинные земли делились между однообщинниками по количеству произведенной каждой работы для приведения полей в годный для обработки вид»⁶. Участки общинных земель по обычаю могли переходить во владение тех лиц, которые благоустроивали землю, разводили сады, строили усадьбу. Эти земли назывались *хаят*. Если же участок приходил в запустение, то его снова передавали в общинный фонд земель и перераспределяли.

Согласно порядкам, бытовавшим в Ташкентском оазисе во второй половине XIX в., как отмечает С. Покровский, главным основанием в решении земельных вопросов и распределении трудовых повинностей среди населения также служил традиционный *кош*⁷.

Полевые исследования автора, проведенные в Фергане в селениях Пандигам, Уйрат, Джалаер, Кайрагач и др. подтвердили высказанное выше положение о том, что в середине — конце XIX в. общинное поле разделялось на столько участков, сколько кошей выставлялось на общественные работы. Не участвовавший в ирригационных работах не имел права на землю. В сельской общине складывались отношения имущественной зависимости бедноты от владельцев скота и орудий. С развитием экономической зависимости беднейших слоев населения от сельских богачей наблюдался и процесс перехода общинных земель и воды в частную собственность. Например, общинные земли площадью около 15 га, расположенные между селениями Дутыр, Хорамабад и Калабад, в конце XIX в. полностью перешли в частную собственность местного богача Мадгази-бая.

Общинное землепользование в конце XIX — начале XX в. было уже редким явлением в большинстве оседлоземледельческих районов предгорий Узбекистана. К. Шаниязов детально исследовал общинное землепользование в сел. Каллык Кашкадарьинской области, где жили узбеки-карлуки, сохранившие вплоть до коллективизации значительные патриархально-общинные порядки. Земли карлуков в прошлом были разделены между 10 родовыми группами, каждая из них в период посевных работ делила землю на пайкалы. Пайкал в сел. Каллык состоял из 8 долей (*тан*). Глава семьи мог претендовать на 1—4 доли, но не более. Главным условием было наличие рабочего скота и семян для посевов. Бедняки, не владевшие ни скотом, ни семенами, могли рассчитывать только на 1 долю. Они выполняли все тяжелые работы по подготовке земли к посеву, строили и очищали оросительные каналы. Наделы получали лишь семейные земледельцы. Неженатые работали в качестве пахарей, жнецов. После определения глав семей и доли участия каждого выяснялось общее количество пайкалов. Один пайкал предназначался для мечети. На сходе всех участников пайкала из среды состоятельных членов избирались старшина (*чекбоши*), руководитель работ (*мираб*) и циркульники (*сартароци*), которые получали за свой труд натурой.

Возделываемая хозяйствами селения земля составляла около 2500 танапов, в среднем на один пайкал приходилось около 50 танапов (12,5 га). Жеребьевкой определяли конкретные участки посевов. Богатые земледельцы широко применяли наемный труд. В социальной структуре населения Каллык, несмотря на внешнюю патриархальность общинных отношений в системе землепользования пайкал, резко выделялись три категории участников: беднота, не имевшая тягловой силы и состав-

⁶ Шишов А. Саргы//Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. Вып. XI. Ташкент, 1904. С. 190—192.

⁷ Покровский Е. Г. Развитие водного права в Средней Азии//Вестник ирригации. М., 1927. № 1. С. 5.

лявшая большинство; середняки, владевшие парой волов; богатые (*бек*), обладавшие тремя и более парами и использовавшие труд наемных рабочих *коши*⁸. Обычай передела общинных земель заметно различались. Они были тесно связаны с водопользованием и характером водных источников. Так, например, в Шерабадской долине (Восточная Бухара) земли в основном делились на общинные — пайкальные и частновладельческие — хаятные. С ростом товарности сельскохозяйственного производства здесь развивался процесс перехода от общинного землевладения к частному с полным правом собственности на землю. Но переход этот шел довольно медленно и продолжался вплоть до революции.

Размеры земельных участков пайкал были различны в разных местностях. А. А. Семенов определял пайкал как группу наделов, связанных с водопользованием⁹. При исследовании пайкального землеводопользования в Касанском и Шерабадском районах В. А. Полозов обратил внимание на общинный характер пайкалов¹⁰.

На общинных землях площадь, предназначенную для посевов, каждый год по жребью делили между группами хозяйств — пайкал¹¹. В каждом пайкале было до 10—15 хозяйств. Жеребьевку проводили два раза в год: осенью для посевов озимых пшеницы и ячменя, весной — для яровых. Как правило, ее обрабатывали сообща. Пайкал — это доля не только земли, но и воды для орошения. Состав пайкала в ряде районов ежегодно менялся. Пайкалы представляли собой либо объединения экономически равносильных хозяйств, либо хозяйств бедных и богатых.

Социальное расслоение стало причиной упадка общинного землевользования. Наделы земли постепенно во многих районах переходили в разряд наследственных. Богатые общинники имели возможность получить несколько долей при переделах, так как владели скотом и сельскохозяйственными орудиями. Бедняки могли вложить в производство только свой труд. Они становились батраками или бедными издольщиками у богатых землевладельцев, которые постепенно прибирали к рукам всю общинную землю. Этот процесс был особенно интенсивным в хлопководческой товарной зоне Туркестанского края. Но он развивался и в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве.

Общинные традиции сохранились дольше всего в зоне богарного земледелия и на пастбищах. Богарные земли мог осваивать каждый. Но если он прекращал посевы, то участки вновь переходили в общее пользование.

Однако в конце XIX в. и на богарных землях также начался процесс разрушения общинных традиций в землевользовании. Весьма характерен описанный М. Абдураимовым пример горного сел. Хумсан в Ташкентском оазисе. Подавляющее большинство земледельцев здесь занимались богарным земледелием на землях общинного пользования¹². Орошаемых земель было немного. Они орошались водами горных рек, ручьев и родников. Орошаемые земли до 1880—1890-х годов также были общинными, но в конце XIX в. их поделили между всеми членами отдельных «родоплеменных групп» (*тон*) и каждый член получил один участок (*кош*). Однако с развитием товарного хозяйства верхушка общины стала увеличивать свои наделы за счет разорившихся бедняков. Богатые семьи кишлака стали захватывать земли, орошаемые родниками. Здесь строились водоемы, проводились арыки, причем они находились уже в частной собственности. На орошаемых землях разводились сады, бахчи,

⁸ Шаниязов К. Общинное землевользование в селении Каллык//Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. В. 34. М., 1960. С. 34.

⁹ Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903. С. 119.

¹⁰ Полозов В. А. Узбекское общинное землевользование в Шерабадской долине// Народное хозяйство Средней Азии. 1925. № 7. С. 69—75.

¹¹ Басов Д. Пайкалы Шерабадской долины//За реконструкцию сельского хозяйства. 1929. № 3. С. 118—120.

¹² Абдураимов М. А. Пережитки сельской общины в узбекском кишлаке Хумсан (XIX — начало XX в.)//Сов. этнография. 1959. № 4. С. 45.

огороды. В начале XX в. в кишлаке Хумсан появились и собственники довольно значительных каналов. Вместе с развитием частной собственности на землю и воду росло классовое расслоение¹³.

Так обстояло дело в Туркестанском крае. В вассальных феодальных ханствах, в частности в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве, общинные традиции в землепользовании в известной степени поддерживались системой феодальных налогов и повинностей. Во многих районах Бухарского эмирата пайкал являлся податной единицей, с которой государство взимало налоги¹⁴. Феодальные власти всячески содействовали консервации общинных традиций, поскольку принцип круговой поруки облегчал сбор налогов. Круговая порука была эффективна и в многочисленных трудовых повинностях, которые тяжелейшим бременем ложились на беднейшую часть общины, поскольку богатые откупались от землекопных работ (к этим повинностям относились, в частности, ремонт водозаборных сооружений, очистка каналов, строительство дорог, общественных зданий и т. п.).

Как отмечалось выше, наиболее стойко общинное землевладение и землепользование сохранялось в XIX — начале XX в. в горных, экономически отсталых районах Восточной Бухары, а также в Каршинской степи и в некоторых других районах (на Сурхандарье, в Гисарской долине и т. д.)¹⁵. Большая часть пастбищ была в общинном пользовании. Например, в Дарвазе общинными являлись пастбища, лесные угодья. Пахотная же земля находилась в индивидуальном пользовании. Общинные земли назывались, по данным М. Р. Рахимова, *замини омма* или *замини хосуом*. Они были трех видов. Первыми — *айлок* распоряжался местный феодал — бек. Это были горные пастбища, на которых выпасали скот только по разрешению бека и за плату (подать за траву — *хасуна*). Вторые — *чарогох* — общинные земли, на которых выпасался скот всего населения кишлака под присмотром пастухов. К ним по своему характеру близки были и литовки — *девлоч*. Третий вид общинных земель — общественный лес и заросли кустарника, где заготавливали топливо и пасли скот¹⁶.

Собственность на землю была в зоне поливного земледелия всюду связана с собственностью на воду. Считалось, что рента-налог, взимаемая с крестьянина, являлась компенсацией за пользование как землей, так и водой¹⁷. Водно-земельные общины для совместного водопользования включали жителей одного или нескольких соседних селений, расположенных по одному оросительному каналу. Общая система орошения также была одним из важных факторов сохранения общинных, коллективистских традиций. Она способствовала консервации пережитков сельской общины даже там, где основная часть пахотных земель находилась уже в частном владении и была разделена между отдельными крестьянскими хозяйствами.

Об особенностях права на воду в зоне орошения Средней Азии довольно точно сказал дореволюционный историк ирригации Туркестана Н. Дингельштедт: «Право владения ирригационной водой не принадлежит никому, а право пользования этой водой обуславливается: 1) нахождением земельного участка в районе орошения, 2) участием в расходах на содержание арыка¹⁸.

Каждый из земледельцев, член соседской общины, имел право пользоваться водой при условии участия в работах по эксплуатации и ремонту систем орошения¹⁹. Н. А. Кисляков отмечал существенные различия в

¹³ Там же.

¹⁴ Кисляков Н. А. Указ. раб. С. 126—131.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Рахимов М. Р. Земледелие таджиков бассейна Хингау в дореволюционный период (Историко-этнографический очерк)//Труды АН Тадж. ССР. Сталинабад. 1957. Т. XIII. С. 92—94.

¹⁷ Кисляков Н. А. Указ. раб. С. 131.

¹⁸ Дингельштедт Н. Опыт изучения ирригации Туркестанского края. Сыр-Дарьинская область. СПб., 1893. Ч. I—II. С. 265.

¹⁹ Кисляков Н. А. Указ. раб. С. 132.

характере водопользования и затратах труда на орошение в разных частях Средней Азии. Особенно заметны были различия между горной и равнинной зонами. В низовьях крупных рек (Зеравшан, Кашкадарья и др.) затраты земледельцев на ремонт крупных гидротехнических сооружений были более значительными, чем в предгорьях. В горных и предгорных зонах часть посевов производилась на неполивных, богарных землях, а часть на поливных, но сами оросительные системы были менее крупные. Ирригационное хозяйство в этих районах не было столь сложным, хотя и здесь были свои трудности, связанные с ежегодным устройством водозаборных гидротехнических сооружений для вывода воды в каналы из быстротекущих горных рек.

Организация водопользования была повсеместно общинной. Коллективно организованный труд был необходим для эксплуатации и ремонта ирригационных систем, а также для распределения воды между группами хозяйств и отдельными водопользователями. Однако в случае нехватки воды ею обеспечивались в первую очередь богатые землевладельцы, нарушая тем самым установленную обычаями строгую очередность. Напомним, что кооперация труда земледельцев для проведения или очистки каналов была первым условием земледельческого производства в странах с засушливым климатом на всех стадиях их исторического развития. Эти общинные традиции в ирригационных работах особенно ярко проявлялись в древнем институте совместных, коллективных работ — хашаре.

Хашары могли быть большими (*катта хашар*) и малыми (*кичик хашар*) в зависимости от объема работ. Для нас наиболее интересны хашары, связанные с ирригационными работами. Так, например, историко-этнографические исследования в Самаркандской области (в Пастдаргомском районе) выявили следующую картину организации работ по очистке и ремонту крупных каналов — *шах арык*²⁰. Каждый из таких каналов, как правило, орошал земли четырех кишлаков, обитатели которых (независимо от этнической принадлежности) составляли определенное объединение. Местное население называло его *казаншерик* (т. е. товарищи по котлу) или *бир караказан*. Роль этого объединения проявлялась прежде всего во время очистки шах арыка. Работы эти назывались *катта казу*. Официальное название объединения четырех кишлаков было *эликбаши*, так называли и выборное лицо, следившее за очередностью поливов, организовывавшее очистку каналов, собиравшее рабочих-землекопов. Их число определялось количеством воды, которое отпускалось из главного канала для полива земель *казаншерика*. Распределение повинностей между кишлаками производилось соответственно их землевладениям, а внутри кишлаков — по хозяйствам в зависимости от количества обрабатываемой земли. Очистку каналов обычно начинали с его головной части и на отрезке до первого отвода работали землекопы от всех *казаншериков*, расположенных в бассейне данной оросительной системы. Потом переходили к очистке своего магистрального канала. Таков был порядок не только на Зеравшане и в Бухаре, но и в других районах Средней Азии, в частности в Фергане²¹. Границы деятельности *казаншериков* определялись территорией их поливных земель и конфигурацией водных артерий. Границами служили пустоши, холмы, дороги, полосы лесных насаждений и т. п.

Объединение *казаншерик*, как уже отмечалось выше, имело в общей собственности котлы (один большой и несколько малых) для коллективных трапез, устраиваемых на свадьбах и других празднествах. Сбором средств для покупки котлов и организации трапез ведал *эликбаши*. Такие формы хозяйственных связей существовали в Пастдаргомском районе вплоть до последней четверти XIX в. Сохранялось освященное шариатом право соседей на покупку участка в случае его продажи.

²⁰ Этнографические очерки узбекского сельского населения. М.: Наука, 1969. С. 67.

²¹ *Ершов Н. Н.* Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией//Труды АН ТаджССР. Т. XXVIII. Сталинабад, 1960.

Однако на рубеже XIX и XX вв. ситуация начала меняться. Все чаще отдельные участки земли продавали выходцам из других мест.

Зафиксированное этнографами объединение казаншерик или бир казан может рассматриваться как своеобразная пережиточная форма земельно-водной общины, общинных традиций коллективной взаимопомощи при выполнении общих хозяйственных дел, сплотивавших жителей кишлаков в определенные коллективы²².

В зоне предгорий, где преобладал компактный тип кишлачного поселения, семьи, жившие по соседству в кишлаке, часто являлись и соседями по земельным наделам. Это, конечно, также способствовало сохранению патриархальных общинных традиций, охватывавших многие стороны хозяйственной и общественной жизни кишлака, всей водно-земельной общины.

Как при строительстве, так и при ежегодном ремонте и чистке малых ирригационных каналов обычно принимали участие все хозяйства общины, и без такой добровольной кооперации усилий многих хозяйств само существование искусственного орошения было бы невозможно. Несмотря на окончательное утверждение частной собственности на землю, единая система ирригации связывала между собой отдельные хозяйства, как отмечали современники, «поистине неразрывными водными узами». Норма воды, выделявшаяся каждому из четырех кишлаков одного казаншерика, определялась не только общей площадью обрабатываемых земель, но и характером сельскохозяйственных культур, так как различные культуры требовали для полива разное количество воды. Поэтому внутри кишлака при недостаточности воды для полива соседям приходилось учитывать характер культивируемых культур. Нередко они вынуждены были сеять на смежных участках одинаковые сельскохозяйственные культуры или оставлять участки под парами. Расположение посевов одних и тех же культур на смежных полях не только давало определенные хозяйственные выгоды (экономия воды, труда и т. п.), но и способствовало укреплению дружеских отношений. Соседи и все члены кишлачной общины часто оказывали друг другу помощь, которая была необходима при вспашке полей, ирригационных работах и т. п. Так, для орошения полей требовался определенный напор воды, и это заставляло маломощных крестьян объединять свои доли воды. Беднякам приходилось выполнять наиболее тяжелые землекопные работы по ирригации. Работы по регулированию водопользования и поддержанию в порядке ирригационных сооружений производились под руководством специальных, оплачиваемых общиной должностных лиц — мирабов²³.

Описывая водопользование в сел. Каллык, К. Шаниязов отмечал, что очистку кишлачных арыков производили на основе хашара. Каждый кишлак Касанского района имел свой арык, который питался водой Кашкадарьи. Каллык арык в самом центре кишлака разделялся на два ответвления. От него отходили распределители на земли пайкалов с еще более мелкими разветвлениями. Хашаром по очистке Каллык арыка весной руководил мираб, который распределял между пайкалами количество рабочих. В случае неявки людей на пайкал на них накладывали штраф или даже лишали воды. Каждому участнику давалась норма очистки, достигавшая обычно длины 10—15 лопат (вместе с ручкой) в день по длине арыка²⁴.

Внутриобщинные и межобщинные работы по ремонту и очистке небольших каналов выполнялись обычно членами общины. Общинные традиции поддерживались в ряде районов предгорной зоны Средней Азии всем укладом жизни населения. Н. А. Кисляков отметил, что сельская община в конкретных условиях Бухарского эмирата позднейшего вре-

²² Этнографические очерки узбекского сельского населения. С. 73—74.

²³ Ершов Н. Н. Традиции общинного водопользования у таджиков // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Т. 26. М., 1957; его же. Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией // Труды АН Тадж. ССР. Т. XXVIII. Сталинабад, 1960.

²⁴ Шаниязов К. Указ. раб. С. 36—37.

мени «представляла собой еще в известной степени самостоятельную замкнутую единицу, коллектив земледельцев, объединенных общими производственными интересами, общностью быта, традиций, семейно-брачных отношений»²⁵.

Очень важно отметить, что во многих случаях эти традиции поддерживались общностью интересов по поддержанию и эксплуатации единой оросительной сети, поскольку в зоне предгорьев преобладали в среднем небольшие по своим масштабам оросительные системы на горных речках, ручьях, источниках. В таких условиях сельская община располагала единой территорией с общей оросительной сетью, эксплуатировавшейся коллективно на основе древних общинных традиций — хашара.

Этнографы отмечают и практику чисто женских хашаров по обработке хлопчатника, шерсти или сбора шелковых коконов. Обычно женщины одного кишлака поочередно собирались небольшими группами для очистки хлопка от семян и взбивания ваты. Эти работы назывались кичик хашар или халладжи хашар. Весной устраивался большой хашар (катта хашар) или *чарк хашар* для прядения ниток. На него приглашали женщин своего кишлака и ближайших родственниц из других кишлаков своего казаншерики. И эти хашары сопровождалась угощениями. Во время работы пели песни шуточного и любовного характера²⁶.

Обычай взаимопомощи широко использовали феодалы, духовенство и баи в целях эксплуатации односельчан. С помощью хашара они проводили новые каналы, строили усадьбы, заготавливали себе топливо, корм для скота и т. п. Более $\frac{3}{4}$ рабочего времени крестьян уходило на хашары и другие работы для влиятельных лиц, т. е. хашар, первоначально имевший форму товарищеской коллективной взаимопомощи, со временем был использован феодалами для безвозмездной обработки своих земель силами дехкан. Он фактически превратился в форму барщинной эксплуатации²⁷. В то же время продолжали бытовать и традиции малых хашаров как чисто товарищеской общинной взаимопомощи.

В хашарах проявлялся богатый народный опыт, представляющий собой важную часть хозяйственно-культурных традиций народов Средней Азии. После Великой Октябрьской социалистической революции многовековые народные традиции коллективных ирригационных работ получили новое содержание, по-новому проявляется творческая инициатива народных масс. Хашар стал всенародным трудовым праздником.

²⁵ Кисляков Н. А. Указ. раб. С. 156.

²⁶ Этнографические очерки узбекского сельского населения. С. 71—72.

²⁷ Рахимов М. Р. Указ. раб. С. 123.

К. М. Текеев

КАРАЧАЕВСКИЕ И БАЛКАРСКИЕ УЗОРНЫЕ ВОЙЛОКИ

(ала киизы)

Видное место занимают в быту карачаевцев и балкарцев знаменитые на всем Кавказе узорные войлоки — *киизы*. Выделке киизов (*кииз уруу*), как одному из характерных для Карачая и Балкарии художественных ремесел, и посвящено настоящее сообщение.

Основное внимание уделяется технологии изготовления узорных войлоков, так как их орнаментика уже исследовалась в других работах¹.

¹ См.: Студенецкая Е. Н. Узорные войлоки карачаевцев и балкарцев // Кавказский этнографический сборник. М. VI. 1976; ее же. Узорные войлоки Кавказа // Сов. этнография. 1979. № 1; Кузнецова А. Я. Народное искусство карачаевцев и балкарцев. Нальчик, 1982.